

В.Л. Соскин
(Новосибирск)

**Социальная история российской советской культуры:
принципы изучения**

Российская советская культура как исторический феномен является повседневной реальностью. Под влиянием ее многообразных проявлений происходит воспитание членов общества. Следы этого воздействия сохраняются повсеместно в сознании и поведении, определяя во многом будущее Отечества. Сказанное, по-видимому, едва ли является спорным тезисом. Менее ясным является ответ на вопрос о том, какое культурное наследие оставила советская эпоха, каковы его качественные характеристики. Критически настроенные публицисты, а подчас ученые, склонны называть эту культуру однозначно «тоталитарной». Социально-политический контекст такого определения очевиден. И с точки зрения социальной истории оно само по себе возражений не вызывает. Другие, в том числе многие деятели культуры, абстрагируясь от социально-политического подхода, говорят о российской культуре вне времени как о «великой». Это выглядит патристично, хотя научная ценность такого определения сомнительна.

Попытки односложно и поверхностно характеризовать советскую культуру России затрудняют преподавание соответствующей дисциплины как в школах, так и в вузах. У нас пока нет учебников, которые бы вполне отвечали своему назначению. То есть, во-первых, отражали последовательно именно социальную историю культуры, а во-вторых, строились на более или менее внятной методологической основе. Под ней понимается наличие если не концепции, которую предстоит еще разработать, то принципов изучения культуры или, говоря иначе, подходов.

Такова преамбула, объясняющая выбор темы доклада и причину ранее проделанной работы. Она была связана с разработкой курса «История советской культуры», читаемого нами в Новосибирском госуниверситете. Начавшаяся в середине 1980-х гг. новая эпоха потребовала переосмысления отечественной истории. Поскольку, зная положение в науке, нельзя было рассчитывать на скорую помощь извне, выход напрашивался один: взяться за работу собственными силами. Важной представлялась проработка прежде всего подходов, на основе которых можно было бы создать своего рода матрицу для изучения всех исторических периодов. В итоге примерно за 10 лет удалось подготовить цикл из девяти небольших монографий. В 2004 г. в Новосибирске удалось издать обобщающую монографию по теме «Российская советская культура (1917–1927 гг.). Очерки соци-

альной истории». Об этом сообщается не в целях рекламы, а как объяснение, почему изложение сути предлагаемого подхода будет кратким.

Исключаются вопросы общетеоретического плана: о понятии «культура», о видах ее классификации, сущности социального подхода, роли идеологии в системе культуры и некоторые другие. Заметим вместе с тем, что при социальном анализе культуры роль идеологии ключевая. Невозможно также абстрагироваться от политики, экономики, общественной жизни. Специфика советского строя делала эту связь особенно жесткой, оставляя культуре мало места для саморазвития. Культура находилась в зависимости от власти, постоянно стремившейся ограничивать ее самостоятельность. Таков был главный вектор развития, который, однако, не являлся всепоглощающим. Последнее слово следует подчеркнуть. Существовала своего рода «развилка», наличие которой не позволяет характеризовать советскую культуру однозначно. Говоря о «развилке» и неоднозначности, мы, собственно, и движемся в сторону предлагаемых подходов к изучению культуры.

Вспомним о том, как с началом «перестройки» шел процесс идентификации советской культуры. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. преобладал не просто критический настрой, а негативизм: эта культура объявлялась тоталитарной, из чего фактически следовало заключение об отсутствии в ней каких-либо положительных элементов. Логика умозаключений строилась на том, что культурная революция была частью строительства социализма, который рассматривался как разновидность тоталитаризма. Очевидно, что и культура такого («сталинского») социализма не могла не быть тоталитарной. Маятник, можно сказать, от апологетики сильно качнулся в противоположную сторону.

Постепенно жизнь во всем своем многообразии размывала такую крайнюю позицию. Многие простые люди чувствовали, что волна критики и отрицания грозит смыть положительные ценности, воспринятые ими в прошлой жизни. И вообще перечеркнуть весь исторический опыт. Такого рода настрой оформился в незамысловатой формуле: «с одной стороны – с другой стороны». Было, мол, плохое, но было и хорошее. Эту формулу взяли на вооружение многие политики, в том числе самого высокого ранга.

В сущности, так оно и есть. Но в научном плане подобное заключение неприемлемо из-за отсутствия объяснений. В нем не просматривается причинно-следственная связь, которой не могло не быть. Не раскрыта природа исторических обстоятельств, предопределивших подобное развитие культуры. Наконец, не ясно, что следует считать хорошим, а что – плохим. Очевидно, необходимое объяснение должны дать ученые, в том числе историки. Не претендуя на полноту ответа, мы предлагаем свои суждения.

Начать следует с того, что жизнь многоцветна всегда и везде, такова ее природа. Но коль скоро это так, то следует в основу формируемой концепции положить представление о естественном многообразии культуры, сложном сочетании в ней разнообразных элементов, отнюдь не всегда поддающихся расшифровке на основе упрощенной схемы: либо положительных, либо отрицательных.

Констатация разнообразия культуры, однако, статична. В ней не раскрываются особенности культурной динамики на отдельных этапах формирования советской культуры, в ней нет самого исторического процесса. Признание неоднородности культуры является отправным пунктом для дальнейших рассуждений, которые и должны вывести на главный предмет, т. е. на принципы подхода к изучению культуры. При этом она трактуется прежде всего как культура основной массы населения – не та элитарная культура, которую часто приводят в качестве примера высоких достижений, а та, которая была обыденной, которая постоянно внедрялась в народную толщу и в конце концов вошла в ее плоть. Основная характеристика этой культуры – противоречивость. Главными среди противоречий, с точки зрения социальной истории, были те, которые отражали воздействие политики и идеологии. На практике эти противоречия выглядели как борьба двух тенденций – демократической и антидемократической (авторитарной, тоталитарной).

Причины и условия возникновения и развития этих тенденций – особая тема. Заметим лишь, что корни их находились в природе дореволюционного российского прошлого, наполненного борьбой за лучшую жизнь, за свободу и демократию, человеческое достоинство, культурный прогресс и вместе с тем опутанного предразсудками, рабской психологией, почитанием силы. Неоднозначной была и политика государства. Самодержавие, стремясь к своему упрочению, ставило в центр этой политики авторитарные принципы. В то же время оно во избежание кризиса власти не могло не учитывать необходимости определенных демократических преобразований. Часть из них диктовалась объективными причинами. Образование и наука, например, были необходимы для развития экономики, укрепления военной мощи, создания кадров чиновничества и т. д. Следовало по тем же причинам учитывать и сигналы, идущие от общества, чаяния населения. Здесь проявляла себя демократическая тенденция, носителями ее выступали демократические союзы, партии, добровольные объединения. В результате взаимодействия двух тенденций формировалась противоречивая в социальном смысле культура.

После революции, поскольку общество оставалось разнородным, указанные тенденции «перешли» в советскую эпоху. Большевики, овладевшие народной стихией, опирались на демократичес-

кий протест и, естественно, не могли не выражать и в лозунгах, и на практике народные чаяния, стремление масс к свету, к знаниям. Многие демократические преобразования, как и до революции, были объективной необходимостью прежде всего с точки зрения экономического развития и создания сильной армии. Вместе с тем доктрина большевизма и весь опыт революционной деятельности формировали качества иного рода – партийную узость, предубеждение против демократии, стремление к монополизму, неприятие инакомыслия и многое другое, что порождалось теорией и практикой диктатуры.

Переплетение указанных тенденций придавало процессу культурных изменений черты неоднозначности. При этом на разных этапах сила и масштаб проявления каждой тенденции были не одинаковы. Менялись также формы, в которых эти тенденции себя выражали. Между ними шло своего рода состязание, но управляемое, нити которого все более сосредоточивались в руках партии – государства. В такого рода диалектике и заложен «ключ» к пониманию советской культурной реальности. Сохраняясь на всем протяжении советского периода, переплетение двух начал определяло двойственный характер культуры.

Борьбу двух тенденций в то же время не следует представлять как некое механическое столкновение разнонаправленных действий. При таком упрощенном подходе как раз и возникает формула «с одной стороны – с другой стороны». В жизни все обстоит не так просто. Две основные линии развития находились в сложном переплетении, они взаимно проникали, что «на выходе» порождало весьма сложный культурный продукт. Об этом свидетельствует множество примеров, взятых из истории развития разных отраслей культуры – от ликвидации неграмотности до искусства.

Завершая сообщение, следует сказать, что, предлагая метод анализа в виде учета двух тенденций, мы не претендуем на открытие. О противоречивом характере развития российской культуры писали многие, в том числе дореволюционные мыслители. Другое дело – специальные методологические разработки. Таковых в советской историографии не было. Но в 1990-е гг. появился исследователь, который обосновал новый принцип подхода к российской действительности, основанный на учете противоречий. Имеется в виду историкософ А.С. Ахиезер, автор монографии «Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России)» (Новосибирск, 1997, т. 1: От прошлого к будущему). Исходя из наличия в российской действительности такого доминирующего фактора, как раскол, он пришел к выводу о том, что движущей силой российской истории стал конфликт между «соборным идеалом» и «идеалом авторитарным». В сущности, вывод Ахиезера и предложенный нами подход совпадают. Можно сказать и так: в модели «двух тенденций»

этот вывод реализуется на материале советской культуры. То, что это было сделано независимо в нашей ранее изданной книге «Революция и культура: 1917–1920 гг.» (Новосибирск, 1994), не меняет отношения к труду Ахиезера как к выдающейся работе.

*Н.Н. Алеврас
(Челябинск)*

**«Что имеем, не храним...»: к вопросу
о культуре обращения с историко-научным
наследием «старых» историков**

Мало у кого вызывает сомнение утверждение о необходимости сохранения памяти о тех, кто оставил свой след в истории исторической мысли страны, региона, области, города и т. д. Но как и во имя чего необходимо сохранять память о путях познания региональной истории? Оставляя пока в стороне «во имя чего», сосредоточимся на способах меморизации научного наследия уральских историков. Под историками будем иметь в виду не только профессиональных ученых, но и тех интеллектуалов, кто создавал свои работы на основе «любви к истории», что особенно характерно для дореволюционного периода. Существует два основных пути в решении подобной задачи: первый связан с переизданием редитетных публикаций по истории уральского края, второй – с реализацией исследовательских проектов историографического профиля. Идеальной выглядела бы ситуация одновременного их осуществления. Призыв к научному сообществу заняться тем и другим звучал бы банально, если бы он был прост для осуществления. С какой целью, каким образом и чьими усилиями можно реализовать такого рода замысел? Ответы на этот сложносоставной вопрос, вероятно, прояснили бы дело, но не исчерпали бы до конца проблемы. Требуется постановка, по крайней мере, еще одного вопроса – о финансовых затратах на исполнение задуманного проекта, если бы мы о нем заявили. Попробуем ответить на эти вопросы, пытаясь экскурсами в историю исторического знания аргументировать актуальность сформулированного утверждения.

Начнем издалека. Выберем для примера значимые для уральской историографии имена В.Н. Татищева и Г.Ф. Миллера. Еще в 1755–57 гг. Г.Ф. Миллер, определяя современные ему задачи молодой тогда отечественной исторической науки, полагал, что в первую очередь необходимо издать рукописный труд В.Н. Татищева «История Российская», находившийся после смерти историка в архиве Академии наук. Далеко не только патристическими соображениями руководствовался обрусевший историк. Он исходил, в том